

ИСТОРИЯ ЛЕГЕНДАРНОЙ ДИНАСТИИ БОРДЖИА.
ВЕЛИЧИЕ, ВЛАСТЬ И ЛЮБОВЬ!

Популярная британская писательница, актриса и продюсер Сара Дюнан имеет миллионы поклонников по всему миру, а от ее романов буквально невозможно оторваться. Она является обладательницей премии Вальтера Скотта и награды «Серебряный кинжал». Дюнан сотрудничает с такими авторитетными журналами, как “The Times” и “The Observer”. Многие ее произведения успешно экранизированы.

Начало XVI века. Молодой и талантливый Чезаре Борджиа, сын папы римского Александра VI, уверенно идет к созданию своей империи. Он завоевывает один город за другим и готов на все ради власти. У него завязывается дружба с посланником Флорентийской республики Никколо Макиавелли. Сестра Чезаре Лукреция поддерживает брата, дабы утвердиться в семье д'Эсте. Будучи замужем за Альфонсо д'Эсте, она лично занимается созданием собственного двора в Ферраре. Грядет час, когда наследники династии Борджиа окажутся в центре эпохальных перемен. Величие и слава, могущество и падение, предательства и заговоры — им предстоит пройти через все это, во имя своей семьи.

Главные качества автора исторических романов — точность, справедливость и чувство эпохи. И все это вы найдете в романе Сары Дюнан.

Washington Post

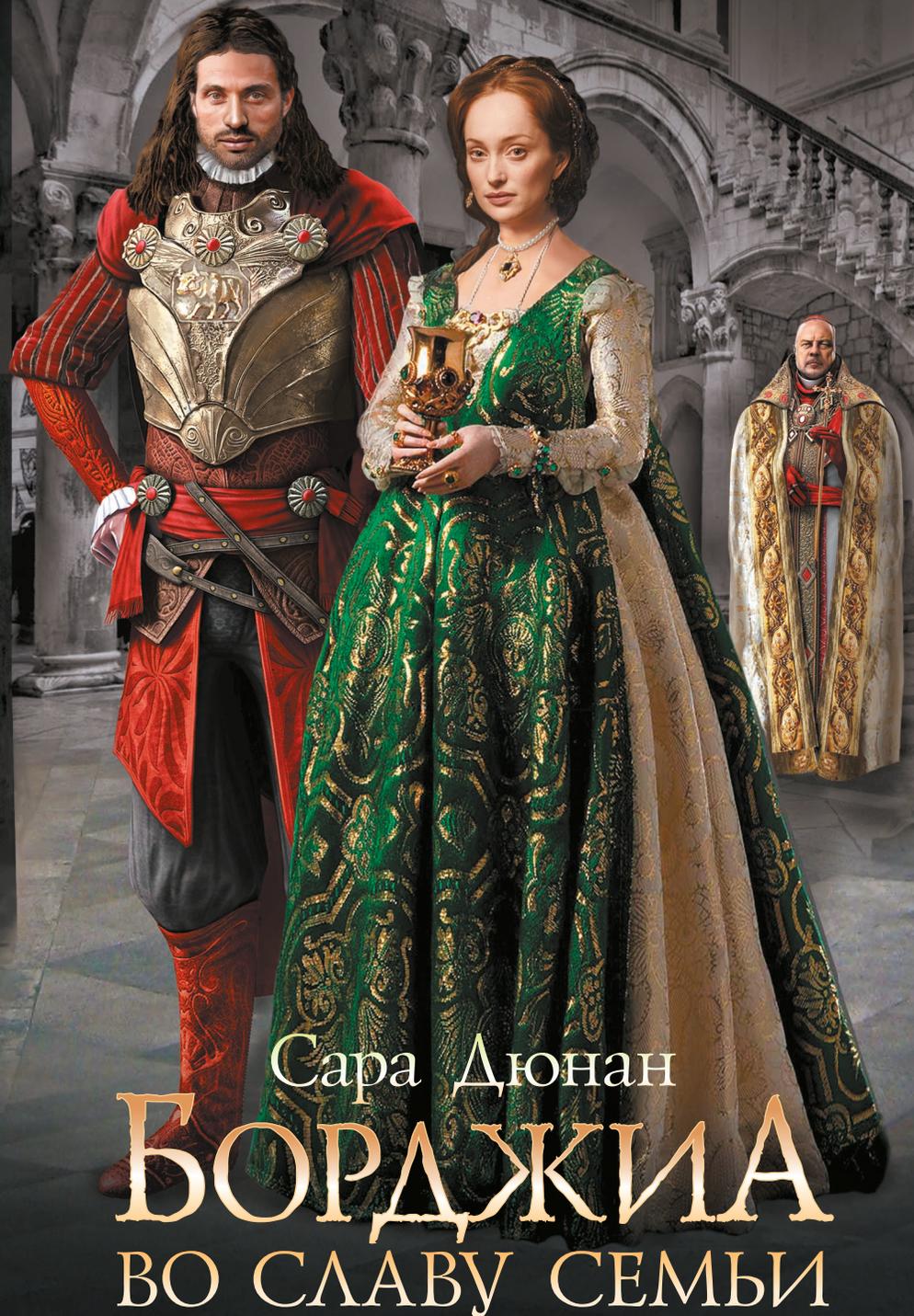
www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4470-2

9 786171 244702

Сара Дюнан
БОРДЖИА
ВО СЛАВУ СЕМЬИ

Сара Дюнан
БОРДЖИА
ВО СЛАВУ СЕМЬИ

БОРДЖИА
ВО СЛАВУ СЕМЬИ

Sarah Dunant

In the name
OF THE FAMILY

A NOVEL

Сара Дюнан

Борджиа

ВО СЛАВУ СЕМЬИ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Д95

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “Aitken Alexander Associates Ltd”
и “The Van Lear Agency LLC”

Переведено по изданию:

Dunant S. In the Name of the Family : A novel / Sarah Dunant. —
London : Virago Press, 2017. — 454 p.

Перевод с английского *Екатерины Бучиной*

Дизайн обложки агентства «ТИМ+»

ISBN 978-617-12-4470-2
ISBN 978-1-84408-746-4 (англ.)

© Sarah Dunant, 2017
© Nemiro Ltd, издание на
русском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», пе-
ревод и художественное
оформление, 2018

*Посвящается Рою Портеру (1946—2002).
Потому что его образ мышления, подход
к обучению и к описанию истории делал ее
увлекательнее любого романа.*

Италия. 1502

СВЯЩЕННАЯ
РИМСКАЯ
ИМПЕРИЯ

ОСМАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ

0 50 100 миль
0 50 100 150 км

Взлет и падение рода Борджиа

- 1492 Кардинал Родриго Борджиа избран папой Александром VI.
- 1493 Восемнадцатилетний Чезаре Борджиа становится кардиналом.
Тринадцатилетняя Лукреция Борджиа выходит замуж за Джованни Сфорца, герцога Пезарского.
Шестнадцатилетний Хуан Борджиа отбывает в Испанию, чтобы найти невесту из рода испанских монархов.
- 1494 Французы вторгаются в Италию по просьбе герцога Миланского, Лодовико Сфорца.
Прежде чем отправиться на захват Неаполя, французские войска оккупируют Рим.
- 1495— Во время оккупации Неаполя происходит вспышка новой
1496 половой чумы (сифилиса).
Французы оставляют Италию; союз итальянских государств, организованный папой римским, побеждает их в битве при Форново.
Хуан Борджиа возглавляет войну против рода Орсини, вероломно проявившего себя во время вторжения французов.
- 1497 Хуан убит неизвестными лицами. Подозрение падает на Орсини.
Брак Лукреции Борджиа расторгнут, поскольку он не был консуммирован.
- 1498 Чезаре Борджиа оставляет Церковь, чтобы возглавить папскую армию.
Лукреция выходит замуж за представителя неаполитанской правящей семьи с целью укрепления союза с испанцами.
- 1499 Чезаре посещает Францию. Король Франции предлагает ему брак и союз, вместе они осуществляют вторжение в Италию и захватывают Милан.

- Чезаре совместно с французскими войсками начинает кампанию в Папской области.
- 1500 Рождение ребенка Лукреции — Родриго.
Теперь брак Лукреции становится стратегически невыгодным; ее муж убит Микелотто, телохранителем Чезаре.
- 1501 Условно о союзе между Лукрецией и семейством д'Эсте, домом Феррары.
- 1502 Лукреция отправляется в Феррару, чтобы выйти замуж за Альфонсо д'Эсте, наследного герцога.
Чезаре захватывает Урбино.
Болезнь Лукреции, едва не стоившая ей жизни, рождение мертвого ребенка.
Войска Чезаре в союзе с Орсини поднимают мятеж.
Чезаре одерживает победу в Сенигалье, отомстив семейству Орсини.
- 1503 Папа Александр VI умирает от малярийной горячки.
Чезаре и сам едва не умирает от той же болезни.
Избрание папы Пия III, чье правление продлилось двадцать три дня.
Джулиано делла Ровере, заклятый враг семейства Борджиа, избран папой Юлием II.
- 1505 Эрколе д'Эсте умирает, Альфонсо и Лукреция становятся правителями Феррары.
- 1507 Смерть Чезаре после тюремного заключения в Испании.
- 1513 Никколо Макиавелли пишет трактат «Государь». Книга будет опубликована посмертно в 1532 г.
- 1519 Смерть Лукреции в возрасте тридцати девяти лет после рождения четвертого ребенка.

Подобно тому, как орел летит, неся в клюве черепаху, а затем бросает ее на землю, чтобы в падении разбить панцирь...

*Никколо Макиавелли
о превратностях судьбы*

Ее [истории] третье измерение есть вымысел¹.

Герман Гессе. Игра в бисер

¹ Перевод С. Апта. (Здесь и далее примеч. пер.)

ПРОЛОГ

Флоренция, январь 1502 г.

Его нельзя было назвать высоким: крепкий и жилистый, он был всего лишь на дюйм выше Мариэтты. Свои черные как сажа волосы он стриг коротко, не по моде; лицо его, широкое вверху, начинало сужаться в области скул и заканчивалось клиновидным, гладко выбритым подбородком. С первого взгляда он казался похожим на ласку. Однако, как ни странно, это не оттолкнуло ее. Мариэтта Корсини уже знала, что ее будущий муж умен, что он трудится на благо республики, а ведь всем известно, что таким людям нужна большая голова; и он сумел рассмешить ее за несколько минут. Еще он заставил ее покраснеть: было что-то в его ярких глазах, сосредоточенном взоре — почти животное, словно он раздевал ее взглядом. К тому моменту, как они попрощались после первого свидания, она уже была влюблена, и за полгода брака ее чувства не изменились.

Он уходил каждое утро на рассвете. Поначалу она надеялась, что ее зрелое пышное тело соблазнит его хоть ненадолго задержаться. Во Флоренции часто рассказывали о женатых мужчинах, которые вставали рано лишь для того, чтобы навестить любовницу, а он прославился своим сластолюбием. Однако, даже если это было так, она ничего не могла поделать, особенно если учесть, что муж покидал ее задолго до того, как выходил за дверь.

На самом деле Никколо Макиавелли оставлял сладкое семейное гнездышко не ради другой женщины (он запросто мог навещать ее по дороге домой), а потому, что дневные депеши приходили во дворец Синьории очень рано, и одна из величайших радостей в его жизни — равно как и обязанность — заключалась в том, чтобы читать их едва ли не первым.

Путь его лежал вниз по улице Гвиччардини на южной стороне города, через реку Арно, через мост Понте Веккьо. Волшебный зимний снег превратился в грязный лед, который потрескивал под ногами, словно он ступал по мелким звериным косточкам.

Вот, на мосту уже как раз разгружали свежие туши, чтобы доставить в мясные лавки. Сквозь открытые ставни он видел отрезок реки, и ее поверхность в лучах восходящего солнца напоминала посеребренный абрикос. Дорогу ему перебежал бездомный пес, желавший урвать порцию требухи, валявшейся у колеса повозки. За свою дерзость он тут же поплатился, получив пинок под ребра, но челюстей не разжал. «Падальщик-оппортунист, — с некоторым восхищением подумал Никколо. — Нацепи на него шляпу с пером, дай в руки меч — и он захватит половину страны. Когда было то дело в городе Фермо? На Рождество, верно?» Он сам распечатал депешу: «любимый» племянник герцога пригласил дядю на ежегодный обед, затем закрыл двери и зарубил его вместе со всеми советниками, после чего унаследовал титул. Сотрудники канцелярии бились об заклад, сколько пройдет времени до следующей кровавой трапезы, но Никколо ставил на узурпатора. Этот человек, несомненно, убийца, но при этом он состоял в армии Цезаре Борджиа, что делало его убийцей с могущественными союзниками.

Перейдя мост, он миновал церковь Сан-Пьер-Скераджио и вышел на открытую площадь Синьории, большую часть которой занимал роскошный дворец правительства, украшенный зубцами. Слева от главного входа стояла выдавшая виды бронзовая статуя: Юдифь, спокойная, сосредоточенная, с занесенным мечом в правой руке готовилась перерубить шею Олоферну, скорчившемуся у ее ног. Никколо молча отдал ей честь. Некоторых его знакомых в правительстве пугал тот факт, что их каждый день встречала женщина, вершащая правосудие над мужчиной, однако они упускали самое главное. Статуя Донателло, похищенная из дворца Медичи и установленная здесь восемь лет назад, находилась тут неспроста: она напоминала Флорентийской республике о необходимости больше никогда не допустить диктатуры одной-единственной семьи.

Как это ни прискорбно, зазор между идеалом и реальностью в политике был достаточно велик, чтобы вскружить голову большинству мужчин. Если бы Юдифь подняла взор, она увидела бы то место на площади, где сожгли монаха-доминиканца Савонаролу, чья фанатичная преданность божественным законам пре-

вратила его в тирана иного рода. Всякий раз, когда Никколо проходил мимо таверны, где какой-нибудь повар-растяпа умудрялся спалить тушу на вертеле, отвратительный сладковатый запах горелого жира и мяса возвращал его в тот день. Он стоял в гуще толпы, пытаясь разглядеть поверх плеч высоких мужчин, что же там происходит. Никогда прежде на его глазах людей не сжигали заживо — во Флоренции не склонны к подобному варварству, — и, прежде чем подпалить хворост, Савонаролу удушили гарротой, чтобы он перестал кричать. Толпа тоже хранила пугающее молчание. Никколо заставил себя остаться до самого конца и наблюдал за тем, как солдаты собрали все до единой косточки и пепел, а затем выбросили в реку, дабы не осталось ничего, что можно было бы превратить в реликвию.

Тогда он знал, что Флоренцию ждет непростое время, что после такого безумия ей необходимо возродить республику. И если на людях он вел себя уверенно — потому что такова его работа, — в глубине души его терзали серьезные сомнения.

Он проскользнул во дворец через боковой вход, перекинулся шуткой с заспанным стражником, прежде чем подняться по винтовой лестнице, пройти через большой центральный вход, а затем через еще один пролет — в комнаты Совета и кабинеты. Его стол стоял в небольшой прихожей, в стороне от главного зала с его позолоченным деревянным потолком и стенами, расписанными узорами из флорентийских ирисов. Внутри было почти так же холодно, как и снаружи. Когда соберутся избранные члены Совета, повсюду зажгут жаровни и камины, однако его, наемного работника, согревала только собственная глиняная бутылка, и ему приходилось постоянно посылать кого-то, чтобы ее снова наполнили горячей водой, иначе его ноги быстро превращались в ледышки. Он сделает это позже: сломав печати на дневной почте, он перестанет ощущать холод.

Такова работа Никколо, главы второй канцелярии и секретаря Совета Десяти по вопросам свободы и мира, — быть в курсе всех подвижек и перемен на политической карте страны. Подобные вещи приводили его в восторг, сколько он себя помнил. Ему было едва ли больше тринадцати, когда отец положил перед ним только что отпечатанную копию «Истории Рима»

Ливия, и, как всякая первая любовь, она изменила его мировоззрение.

«Это самое дорогое из всего, что есть сейчас в этом доме, слышишь меня? В случае пожара лучше надейся на себя, ибо эту книгу я спасу первой». Вот такой сухой юмор был у его отца.

Иногда он задумывался о том, что сказал бы Ливий о современной Италии. А сам он представлял себе полуостров в виде огромного потрепанного сапога, свисающего с Альп, кожа которого покрылась пятнами и выцвела в ходе превратностей истории. На севере, уже во второй раз за это десятилетие, города заняла французская армия, французы правили Миланом и держали под своей сенью с дюжину государств поменьше, расположенных неподалеку. На побережье Адриатики раздувалась от самомнения Венеция, кичась своим богатством и победами над турками, в то время как земли на юге в основном находились под контролем Испании, если не считать нескольких разрозненных старых французских крепостей.

Но то, что творилось в центре, наверное, привело бы Ливия в полнейший восторг.

Стремительность и жестокость, с которой поднялись Борджиа, удивила всех. Конечно, престол в Риме и раньше занимали беспринципные папы, люди, втайне пользовавшиеся богатством своих «племянников» или «племянниц». Но сейчас происходило нечто иное. Сейчас папа римский Александр VI открыто признал своих внебрачных детей и использовал их для того, чтобы создать новую могущественную династию. Его старший сын Чезаре, который когда-то был кардиналом, теперь маршировал во главе наемных войск, захватывая одно за другим города-государства, исторически принадлежавшие Церкви, в то время как дочь Александра Лукреция превратилась в семейный капитал, который вкладывали в выгодное замужество.

В двух дневных депешах содержались свежие новости о действиях Борджиа. Сейчас Лукреция следовала через всю Италию в сопровождении эскорта размером с небольшую армию к своему третьему мужу, наследному герцогу Феррары. Тем временем папа и его сын, совершив круг почета в честь своих последних завоеваний — государства Пьембино и острова Эльба, —

торопились вернуться по воде обратно в Рим. Сколько времени пройдет, прежде чем они окажутся на месте? Если ветер будет попутным, они доберутся раньше, чем по любой зимней дороге, хотя лично он не выбрал бы такой способ передвижения. Что ж, по крайней мере, остальная часть Тосканы ненадолго вздохнет с облегчением: пока герцог в море, он не сможет возглавить армию на суше.

Никколо перевязывал депеши ленточкой, готовясь к утреннему совещанию в Совете, когда услышал звук большого колокола собора Санта-Мария-дель-Фьоре, отмечавший начало нового дня. Мысли его тут же обратились к мастерской при соборе, где флорентийский скульптор Микеланджело провел последние девять месяцев, с одобрения государства высекая из глыбы мрамора гигантскую статую Давида, которую намеревались установить на фасаде собора. В мастерскую никого не пускали, но слухи, которые просачивались повсюду, говорили скорее об огромном размере статуи, нежели о ее красоте. Там будет видно, достаточно ли сильным окажется этот Давид, чтобы защитить город от Голиафа Борджиа.

Когда стихли последние отзвуки колокольного звона, откуда-то неподалеку послышался приглушенный мужской вопль. Что происходит, интересно: позднее совокупление под простынями, или кто-то получил несколько ударов ножом в живот с утра пораньше? Никколо улыбнулся. Таков голос его любимого города, и, поистине, таков голос всей Италии.

ЗИМА 1501–1502 ГОДОВ

Нет такого насилия и преступления, которые не совершались бы открыто в Ватиканском дворце. Папа из рода Борджиа — это бездна пороков, куда ниспроверглось все правосудие... Все его боятся, как и его сына Чезаре, который еще в бытность свою кардиналом стал убийцей и по указке которого людей убивают, бросают в Тибр и лишают всего имущества.

*Анонимный памфлет,
циркулировавший в Риме
в декабре 1501 г.*

ГЛАВА 1

Вечерело, и папские галеры замедляли ход под безоблачным синим небом. Они оставили Пьомбино на рассвете, затем продвигались вперед под порывами сильного ветра, который слишком часто менял направление, чтобы им воспользоваться, а затем и полностью истошил их, бросив дрейфовать, словно спящих, убаюканных ласковым морем. По правому борту на горизонте угольно-черной линией виднелось побережье Тосканы. Два судна разделяла сотня ярдов: папа Александр позади, Чезаре, герцог Валентинуа, впереди.

Несмотря на холод, Александр, закутанный в меха, стоял на верхней палубе и явно любовался собой. Роскошное это было путешествие: папу приветствовал его народ, от монахов-отшельников с их смрадным дыханием и до прелестных женщин, желавших поцеловать полы его мантии и ловивших каждое его слово. Он был бы рад задержаться подольше, но Чезаре, как всегда, торопил его. Александр наслаждался бы еще одним морским закатом, хотя он вряд ли сравнился бы с тем, на фоне которого они вошли в гавань Пьомбино пять дней назад. Пусть он всю жизнь провел в темных покоях, обсуждая политику Церкви, но этот огромный, как медведь, мужчина все еще был способен удивляться красоте природы. Теперь он зачарованно наблюдал за тем, как медленно садилось в море солнце, похожее на гигантский, докрасна раскаленный металлический диск, словно некая сила увлекала его под воду. Он испытывал несказанный поэтический восторг. Нужно почаще выбираться из Рима. Даже князь христианского мира имеет право на досуг после тяжких трудов.

Стоявший на передней галере Чезаре был не так доволен жизнью. Самый грозный воин Италии чувствовал себя на воде не в своей тарелке. Если погода была милосердна, его угнетала бесконечность пустоты, а когда поднимался ветер, взрезая волны и заставляя крениться палубу под ногами, его желудок кренился вместе с ней. И тогда он попадал во власть собственных кишок, что казалось насмешкой и приводило его в ярость. В чем он

нуждался, так это в опасности, чтобы звон натянутых нервов заглушил урчание внутренностей.

Он перешел на левую палубу, где капитан смотрел в небо на западе. Встав рядом с ним, крепче упершись ногами в палубные доски и положив руку на поручень, тем самым невольно копируя его позу, Чезаре поинтересовался:

— Что ты там видишь?

— Ничего, ваше преосвященство. Только погоду. — С бронзовой кожей, с жесткими черными кудрями, этот человек выглядел так, словно был высечен из ствола эбенового дерева. Если бы не папские регалии на спине, его можно было бы принять за язычника.

— Какую погоду? Там ничего нет. Если море останется таким же спокойным, мы будем болтаться здесь всю ночь. Почему ты до сих пор не дал команду сесть на весла?

— Гребцы устали. Им нужен отдых, — отозвался капитан, не сводя глаз с горизонта.

Воздух был неподвижен, ни единого намека даже на бриз. Если не обращать внимания на ленивый плеск воды о борта, можно было подумать, что все движение в мире замерло. Чезаре умолк, вглядываясь в бесконечное ничто. Он мог сравнить подобную тишину лишь с той, что воцаряется на поле боя до первого пушечного залпа. Возможно ли, что где-то там проплывают чужие паруса, где-то за пределами видимости? Может быть, именно на них и смотрит капитан?

На протяжении последних нескольких дней он постоянно думал о пиратстве. Вспоминал рассказы о том, что граждане его нового государства Пьомбино и острова Эльба живут в постоянном страхе перед язычниками: те приходили с моря, нападали на деревни, вырезали мужчин и уводили причитающих женщин и детей на свои суда. Потом, спустя несколько лет, детей, которых умыкнули таким образом, продавали на невольничьих рынках в Венеции, и они, случалось, попадали в дом, где сквозь пелену времени узнавали напев материнской колыбельной или слова молитвы Господней, несмотря на то, что к тому времени они уже поклонялись только языческим богам. Когда отцу приходилось слышать об этом, глаза его всегда увлажнялись слезами жалости. В душе Чезаре, напротив, рождались планы мести.

Господи, как бы ему хотелось сразиться с ними! Выпустить их поганые турецкие кишки, поджечь их суда на полпути к Константинополю... Если бы их галеры появились на горизонте именно сейчас, они узнали бы, на что способна даже горстка христианских воинов. Цезаре уже изучил орудия, установленные в корпусе корабля, знал их дальность и мощность, расспросил членов экипажа, как прицеливаться на воде. Ему очень хотелось увидеть, какой вред нанесет пушечное ядро, врезавшись в деревянный борт. Разве не его тезка Цезарь захватил весь египетский флот и утопил его в морской пучине? Или это был император Август? В последнее время его познания в истории стали размываться, герцог слишком увлекся созданием мифа о себе самом.

— Неужели пираты заплывают так далеко на юг?

— Мы в безопасности, герцог Валентинуа. Папские галеры обгонят на море кого угодно, если гребцы приналягут на весла.

— Разве мы не будем сражаться?

— Нет.

— Боишься язычников?

— Дело не в страхе, ваше преосвященство, — ровным голосом отозвался тот. Капитан судна не делил командование ни с кем, и ему было очень трудно скрывать, как его раздражает этот молодой ублюдок, считающий себя умнее других. — Дело в ценности нашего груза.

По палубе мимо их ног пробежал таракан. Цезаре, который прекрасно замечал критику, замаскированную под комплимент, быстро топнул ногой и с хрустом раздавил насекомое.

— Почему бы не подплыть поближе к берегу и не спустить на воду шлюпку? Не может быть, чтобы до Корвето было так далеко. Мы с ребятами смогли бы вернуться в Рим к утру.

— Это небезопасно, ваше преосвященство. У побережья здесь таятся подводные рифы. Шлюпку может вынести на них.

— Что может вынести? Море гладкое, как грудь монашки.

— Сейчас — да, — отозвался капитан, который тоже обратил свой взор на палубу, на спешащего куда-то второго таракана. — Но в этих водах все меняется крайне внезапно. — За вторым тараканом последовал третий, а затем еще один.

— Похоже, ваши питомцы не страдают от морской болезни, — с раздражением произнес Чезаре, снова опуская ботинок на наскомое. — Или, наверное, они тоже томятся от скуки.

Пропустив оскорбление мимо ушей, капитан опять устремил взгляд к горизонту, а затем быстрым шагом направился к корме.

Может быть, он уже почувствовал это — человек, знающий море лучше, чем тело любимой куртизанки? Что же именно? Особый запах в воздухе? Волнение на воде вдалеке? Или ему что-то подсказали тараканы, поскольку Господь часто посылает неожиданные знаки в образе самых презренных своих тварей.

Чем бы это ни было, от него не сбежать, если надеяться на одних только гребцов. Капитан еще никогда не видел такой квелой команды галерных рабов. Он велел матросу в вороньем гнезде развернуть флаг, сигналив кораблю папы, чтобы прибавил ходу и нагнал их. Двум кораблям безопаснее держаться вместе.

Александр заметил, как трянуло судно, когда весла начали опускаться и подниматься из воды. Мысленно он уже пересек половину Италии, путешествуя вместе с дочерью, которая двигалась от города к городу, соблазняя своей улыбкой всех, кто встречался ей на пути. Его милая Лукреция... Прошло всего несколько недель с тех пор, как они расстались, но ее отсутствие уже терзало его. Господи, хоть бы муж принял ее как следует, не то он отправит армию, чтобы вернуть Лукрецию домой.

Галера набирала ход, и ему захотелось посмотреть на гребцов за работой. С возвышения палубы он видел их опущенные головы и плечи, слышал их ропот, буквально ощущал, как тянулись и сокращались их мышцы и сухожилия. Флот уже стоял в сухом доке, когда было принято решение проделать часть пути до Пьомбино и из него морем (как обычно, по прихоти Чезаре), и его церемониймейстер несколько часов возмущался тем, что придется вытаскивать людей из римских тюрем, дабы собрать команду гребцов. Бедные создания! Он полагал, что даже преступники, если они трудятся на благо папы римского, заслуживают того, чтобы их руки не выворачивались из суставов. Нужно будет благословить их, когда путешествие подойдет к концу. Он, способный расставить ловушку дюжине кардиналов, чтобы вы-

жать из них побольше денег, всегда испытывал слабость к тем, кто был явно слабее его самого.

Однако сейчас не время питать нежные чувства к кому бы то ни было. Ветер, хлестнувший его по щеке, заставил понтифика обратить взор к горизонту. На западе, где недавно расстиралось безоблачное небо, теперь вздымалась грозная гряда дождевых туч. Они двигались быстро, поднимались, расползались, темнели и прямо у него на глазах проглотили низко висящее зимнее солнце. Температура упала, морские воды приобрели стальной оттенок, заволновались, усиливающийся ветер уже доносил капли дождя. Волны нарастали, галера раскачивалась у него под ногами. Он вцепился в поручни. Как все изменилось! Как будто Нептун надул огромные щеки и одним сильным выдохом призвал из-за края мира самый настоящий шторм.

К нему подлетели капелланы, спеша увести его к палубной рубке, когда упали первые капли дождя, огромные, словно птичий помет; они мгновенно пропитывали все, к чему прикасались. Небо у них над головами прорезала зазубренная линия. Папа крепче ухватился за поручни. Он знал все о морских штормах и разрушениях, которые они способны причинить. Когда он, будучи папским легатом, возвращался из Испании двадцать, нет, уже, наверное, все тридцать лет назад, его флот находился неподалеку от этого самого побережья, а волны вдруг начали вздыматься и шипеть. Он стоял и беспомощно наблюдал за тем, как сопровождавшую их галеру швырнуло в сторону берега, где она разбилась на скрытых под водой рифах, превратившись в горстку щепок. И на протяжении нескольких месяцев после того во сне он слышал рев ветра, сливавшийся с криками тонущих людей. Небеса забрали в тот день многих церковников и придворных, упокой, Господи, их души. Он до сих пор помнил почти все их имена и даже некоторые лица. «Будь проклята нетерпеливость Чезаре, — подумалось ему. — Нужно было остаться в Пьомбино еще на день, а не поддаваться его настойчивости и возвращаться в Рим».

— Уведите своих людей в укрытие! — крикнул капитан с носа корабля, обращаясь к Чезаре, а затем промчался мимо него, устремившись к рулевой рубке. — Очистите палубу для команды.

— Я говорил тебе, что нужно было дать команду гребцам! Мы могли быть уже на полпути в Рим! — фыркнул в ответ Цезаре, и мачта у него над головой скрипнула под порывом ветра. — Сколько это продлится?

— Сколько будет угодно Господу, — пробормотал капитан, поспешно перекрестившись, и принялся поворачивать корабль под ударами шторма.

Лукреция сидела в своей комнате в герцогском дворце Урбино; у нее болели ноги. Во время прогулок горели ступни, и даже ночью, после того как она сбрасывала обувь, пальцы ног оставались словно бы крепко привязанными друг к другу. Боль — это не просто дань моде. Ее туфли, ее приданое, двадцать семь пар, изготовленных по лекалу с ее ноги из тончайшей испанской кожи, позолоченных, расшитых камнями, пропитанных парфюмами, — их доставили морем из Валенсии, но слишком поздно, так что некогда было их подгонять и изнашивать.

Лучше бы она танцевала поменьше. Но как же можно устоять? Она ведь так любила скользить, кружиться и плясать на пирах и празднествах, ночь за ночью, под аплодисменты, и в итоге ее партнеры отступали в сторону, морщась из-за притворной боли в боку, чтобы подчеркнуть ее грациозность и выносливость. Нет, Лукреция Борджиа должна танцевать; это одна из немногих радостей в ее жизни. И, более того, этого от нее ждут.

Вот если бы еще между празднествами проходило побольше времени... За те двенадцать дней, что прошли с отбытия из Рима, они посетили почти столько же городов, но пока находились лишь на полпути до Феррары. Это было бы нелегко выдержать, даже будь погода получше, ведь она не столько путешествовала, сколько репетировала военную кампанию: дочь папы завоевывает один город за другим своим очарованием, а не пушками. Вначале она куталась в меха, сражаясь с морозом. В первые дни шел снег — снег в Риме! — и ее восхищало то, что люди все равно сбегались, чтобы посмотреть на нее. Она махала им рукой и улыбалась снова и снова. Если они смогли бросить вызов погоде, значит, сможет и она. Но снег превратился в проливной дождь и мерзкую грязь под ногами, поэтому она стала прятаться в паланкине. Он был доста-

точно удобен на ровных дорогах, однако в отрогах Апеннин и в окрестностях таких городов, как Губбио и вот теперь Урбино, на крутых извилистых тропах ее трясло так, что болели даже кости.

Лукреция устроилась поудобнее на подушках в этой новой спальне. В камине горел огонь, на стенах висели гобелены. Как же здорово снова оказаться в тепле! Было слышно, как снаружи по каменным плитам таскают сундуки. Целая вечность прошла, прежде чем удалось устроить всех придворных и слуг, путешествовавших вместе с ней. Сегодня их разместили почти с роскошью, во дворце Урбино — знаменитой сокровищнице новой культуры. «Жаль, что у нас нет времени, чтобы полюбоваться дворцом», — со вздохом подумала она. Только откроют сундуки, как уже снова придется запирать их и грузить на повозки, и этот вечер станет таким же, как все остальные: оргия гостеприимства и подарков, поклонов, поцелуев, сладких слов, комплиментов и, конечно же, танцев. Ноги ее пронзила острая боль. Лукреции хотелось, чтобы настал такой день, когда не придется вставать на рассвете, когда можно будет провести несколько часов за книгой или в купальне; когда она наконец-то останется одна, позволит себе быть угрюмой, возможно, даже печальной.

Над мраморным камином тянулся лепной бордюр с обнаженными херувимами: они радостно шествовали куда-то, дули в золотые рога и играли на тамбуринах. Милые пухлые младенцы, вырезанные в камне. До рождения Родриго она почти не обращала внимания на подобные изображения. Теперь она видела малышей и херувимов повсюду. Должно быть, сам скульптор был отцом нескольких мальчиков, ведь ему удалось вдохнуть индивидуальность в каждый образ. Она представила себе, как один из них забирается к ней на колени, обвивает маленькими ручонками ее шею. В ее воображении мраморная плоть стала мягкой и теплой. Она невольно склонила голову, чтобы вдохнуть запах его волос, таких кудрявых, несмотря на нежный возраст, столь непохожих на темные пряди его отца.

— Мадонна Лукреция... Я не помешаю?

— Нет, нет, синьор Поцци, — отозвалась она, стряхнув воображаемое тело с юбок и взяв себя в руки. — Я люблюсь обстановкой. Все еще не понимаю, почему мы не можем задержаться

здесь подольше. Герцог и герцогиня Урбино были столь великодушны в своей щедрости, что выехали из собственного дворца, чтобы разместить нас. Мне кажется, что было бы невежливо провести здесь всего одну ночь.

Синьор Поцци, доверенное лицо герцогов Феррары, шаркнул ножкой. Он надеялся, что на этом разговор будет окончен.

— Госпожа, я уверен, что вы прекрасно осознаете, какое долгое путешествие нам еще предстоит. До Феррары еще много миль, а дата вашей свадьбы...

— О, я прекрасно помню ее, так же, как и вы. Она запечатлена в моем сердце, и мне ужасно не терпится прибыть на место, кроме того, я предвкушаю встречу с моим дорогим супругом. — Это было сказано столь мило, что никто не посмел бы усомниться в ее искренности. — Но... — Она помолчала. — Чтобы порадовать его так, как мне хотелось бы, мне необходимо перевести дух.

Джанлука Поцци, опытный дипломат, имел в окружении Борджиа прозвище Ходуля, поскольку ноги у него казались неестественно длинными по сравнению с телом; ему все время приходится семенить, чтобы дамы могли поспевать за ним. Он провел рядом с Лукрецией не один месяц, отправляя своему хозяину, герцогу Феррары, отчеты с описанием ее характера и доказательствами того, что она достойна его сына и места в доме д'Эсте. Теперь его задача заключалась в том, чтобы вовремя доставить ее на свадебную церемонию.

— Кроме того, Урбино не только состоят в династическом родстве с Феррарой, — продолжала она с нарочитой серьезностью, — но через меня также заключат союз с его святейством папой Александром. Полагаю, оба моих отца согласились бы с тем, что мне стоит вдоволь насладиться гостеприимством рода, разве не так?

На лице посланника заиграли желваки. Когда в разговоре упоминался папа, то был верный признак того, что эта нежная молодая женщина, которая, казалось, не думала ни о чем, кроме новых нарядов, начинала упрямыться. Снаружи по свинцовым окнам нервно барабанил дождь. Не все комнаты в Урбино были так хорошо защищены от сквозняков. По всему дворцу люди выжимали мокрую одежду, устраиваясь на ночлег.

— Госпожа, вы должны помочь мне. Я...

— И вы наверняка заметили, — голос ее оставался мягким, хоть она слегка повысила его, — что некоторые мои фрейлины страдают от лихорадки. Сегодня утром Анджела едва смогла продолжить путь. Если она заразит этой хворью меня... что ж... Герцог Эрколе, мой новый отец, никогда не простит вам, если я прибуду в Феррару слабая, как котенок.

Поцци вяло улыбнулся. Его наниматель вряд ли простит его и в том случае, если она доберется туда слишком поздно, поскольку астрологи определили подходящую дату церемонии еще полгода назад, и многие жители Италии уже покинули свои дома, чтобы прибыть на нее вовремя. Что же до здоровья мадонны Лукреции, вот что он мог предложить: пусть она меньше танцует и больше спит, а также сократит время, которое ежедневно проводит за туалетом. Однако он промолчит на этот счет. Папа недвусмысленно дал понять: потратив целое состояние на то, чтобы выдать дочь замуж, он намеревался оправдать расходы, показав ее во время этого путешествия половине Италии.

Нет, она никого не могла разочаровать. В этом он был уверен. Возможно, в Италии хватало красавиц, но было в ней что-то, возможно, грация и жизнерадостность — особенно когда она танцевала, едва касаясь ногами земли, — что очаровывало всех, кто оказывался с ней рядом.

Как и многие другие, он прибыл ко двору в Ватикан, наслушавшись сплетен и ожидая встретить вздорную стерву, похотливую и жестокую. Однако вот уже в течение нескольких недель он слал в Феррару депешу за депешей, восхваляя ее скромность и добрый нрав. Позже он обнаружил в бархатных подушечках острые коготки. Но прошло уже много лет с тех пор, как в государстве Феррара была своя герцогиня, и, возможно, он забыл уловки умных женщин, забыл о том, насколько упрямыми они могут быть при всей своей мягкости. Если госпожа завтра окажется ехать, что же ему делать? Он развел руками, покоряясь.

— Отлично. — Лукреция рассмеялась, и лицо ее озарилось радостью победы, отчего она стала выглядеть моложе своих лет. — Мы отправимся в путь послезавтра, хорошенько отдохнув. Эмиссары моего брата будут сопровождать нас по его городам до

Болоньи, а оттуда мы двинемся дальше на барже. Что будет милосерднее по отношению ко всем нам. А кроме того, — тон ее стал чуть кокетливым, — оказавшись на вашей знаменитой речке По, я уже не смогу сбежать. Разве это не так, милый мой Поцци?

Он поклонился с улыбкой, такой же нарочитой, как и его суровость. Сегодняшнюю депешу он мысленно уже составил: в дипломатических битвах не бывает мелких сражений и поражений настолько великих, что означали бы проигрыш в войне.

Едва он скрылся за дверью, как она вскочила на ноги и принялась звать своих фрейлин:

— Анджела, Никола, Камилла... Хватит разбирать вещи. Дворец Урбино ждет нас!

У побережья Тосканы обе галеры стали игрушкой шторма, хотя папский корабль, находившийся от берега дальше, принял на себя главный удар. Дождь превратился в пелену воды, которую ветер нес горизонтально, волны вздымались выше крепостных стен, и пресная вода смешалась с морской. Судно металось, будто в растерянности: бросалось вперед, взбираясь на гребень волны, где замирало, словно бы переводя дух, прежде чем обрушиться вниз с такой силой, что постоянно казалось — корпус вот-вот расколется. Тут же все менялось, и вот уже корабль вдруг начинал крениться на бок, и все, что не было прибито гвоздями, носилось от левого борта к правому и обратно. Палуба превратилась в смертельную ловушку; тот, кто не удержался на ногах, мог спастись, только уцепившись за что-то, крепко прикрученное к палубе, а если хватка у него была не железная, его смывало следующей волной и швыряло в море. На корме пластом лежали гребцы, весла были прочно привязаны, ведь в такой буре все незакрепленное превращалось в таран.

Моряки на суше зарабатывали выпивку, рассказывая истории о кораблекрушениях, от которых у сухопутных крыс глаза вываливались из орбит, а теперь сполна расплачивались за все свои байки. Каждая волна, обрушивавшаяся на них, вела к очередной катастрофе: рвались паруса, срывались с креплений рей, трюм наполнялся водой, которую не успевали откачивать. С древних времен была известна пытка: человека сажали в камеру, где по-

стоянно поднималась вода, и он мог выжить, лишь беспрестанно откачивая воду. В своих кошмарах они еще долгие годы будут этим заниматься. После удара новой волны некоторые начали причитать и плакать, их голоса были едва слышны на фоне безумных завываний ветра, рева и грохота обрушивающихся масс воды. Шторм заглушал свой собственный хор страданий.

И посреди всего этого в рубке на верхней палубе святой римский понтифик, легат всех христианских душ на земле, втиснувшись в кресло, закутавшись в меха, громко распевал псалмы.

Фортуна, непостоянная и капризная богиня, в подобные моменты крайне своенравна. Когда события выходят из-под контроля, она с радостью бросает людей, ежедневно проявляющих доброту и милосердие. Похоже, она испытывает извращенное наслаждение, защищая безжалостных негодяев, демонстрирующих, однако, природное величие в те моменты, когда дракон рычит им прямо в лицо. Родриго Борджиа всегда был именно таким человеком. Увидев вражеские орудия под стенами Рима, он открыл ворота и пригласил недругов войти. Когда молния угодила в камин в Ватикане, обрушив ему на голову потолок, — весь дворец едва не сошел с ума, оплакивая кончину папы римского, — он преспокойно сидел под грудой камней, пока его не вытащили оттуда, целого и невредимого, спасенного чудесным стечением обстоятельств: двумя упавшими брусьями, застывшими в нескольких дюймах у него над головой. Когда его извлекли из-под обломков, на его блаженную улыбку стоило посмотреть.

Везло ему и в ином: это огромное, как у ломовой лошади, тело обладало желудком моряка. Поэтому, пока остальных выворачивало наизнанку на пол каюты, именно сейчас, когда шторм достиг своего апогея, он решил, что может выбраться на палубу.

Ливень завывал на все лады, и галерею Цезаре совсем не было видно. Однако Александр не сомневался, что она где-то рядом. Он столько лет трудился ради этого момента: основывал государство Борджиа в Италии, используя мышцы своего сына и чресла своей дочери. Они зашли чересчур далеко, слишком близки были к цели, чтобы погибнуть здесь и сейчас. Однако вряд ли он был бы настолько спокоен, если бы в этот миг Цезаре пошел ко дну. Но даже самый праведный Бог не может быть таким жестоким.

Капитан, пытавшийся устоять у руля, разглядел сквозь пелену дождя его силуэт и тут же принялся уговаривать его вернуться в каюту, крича и отчаянно жестикулируя. Однако Александр, шагавший в сопровождении двух капелланов, лишь поднял руку, благословляя его. Два моряка, стоявшие к папе ближе всех, заметили его и, улучив момент, бросились ему в ноги, зарылись лицами в мокрый шелк его сутаны, умоляя спасти их силой молитв. Жестом приказав капелланам поднять их, он благословил каждого, крепко прижал к себе их промокшие тела, подобно тому, как отец обнимает сыновей.

Когда обрушилась новая слепящая волна, капелланы собственным весом прижали папу к рубке, чтобы спасти его от гибели. Увидев, что он выстоял под натиском волн, другие моряки стали громко молиться.

— Не бойтесь, дети мои! — взревел он, перекрывая завывания ветра. — Господь показывает свое яростное величие тем, кого любит сильнее всего. На борту у вас — Его величайший слуга, который не подведет вас.

Вряд ли они расслышали хоть слово из того, что он говорил, но тот факт, что он все еще находился здесь, казался чудом. Моряки лучше других знали священное писание моря: Иона нашел пристанище в чреве кита, Моисей разделил воды собственными руками, да и сам Господь, избравший рыбаков в качестве последователей, умирал бушующие волны и ходил по ним, будто посуху.

«Господь — твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой. — Папа выкрикивал слова семнадцатого псалма. — В тесноте моей я призвал Господа».

Стройные голоса капелланов слились с его голосом, и на миг почудилось, что звуки нашли свой путь сквозь ураган. Или просто сила ветра слегка ослабла?

«И к Богу моему воззвал. И Он услышал от чертога Своего голос мой».

Обрушилась следующая волна, однако нанесенный ею удар показался уже не таким яростным. Некоторые моряки, узнавшие слова псалма, принялись повторять их дрожащими голосами; даже сам капитан воскликнул, перекрикивая ветер: «Он простер руку с высоты и взял меня, и извлек меня из вод многих!»

Сомнений не оставалось: сила дождя ослабевала, и судно уже уверенно держалось на волнах.

«И извлек меня из вод многих».

Худшее — и это наверняка могло считаться чудом — было позади.

Лукреция и ее фрейлины порхали по замку, словно стайка пестрых птиц. Если кто-то из них и был болен, то чудесным образом исцелился. Лишний день отдыха! Какую победу одержала их госпожа над сварливым Ходулей! Они взлетали вверх и сбегали вниз по мраморным лестницам, носились по анфиладам изысканных салонов. В одном они присели на каменную лавку, чтобы прижаться щекой к вытесанным на их спинках мордам горгулий. В другом вздыхали над портретами святых жен и мучениц, одетых столь роскошно, что, глядя на них, скорее задумаешься о моде, нежели о жертвенности. В третьем они постояли у окна, зачарованные видом великолепного города с древней архитектурой идеальных пропорций. Что там Ходуля рассказывал о Ферраре? О том, как старый герцог построил целый город в современном стиле?

— Представьте, что вы будете жить в таком дворце, госпожа герцогиня! Наши юбки будут подметать мраморные улицы!

И все они смеялись, потому что лучше них в энтузиазме не разбирался никто. Эти очаровательные женщины — все, что осталось теперь от римской жизни Лукреции. Таких же изгнанниц, как она, их выбрали ей в спутницы за юность и веселый нрав, а также за преданность и хорошие манеры. Некоторые выросли вместе с ней, были рядом в радости и горе, других взяли недавно, чтобы отметить новую веху на ее жизненном пути. Все они были призваны защитить ее от тоски по дому и относились к своим обязанностям не менее серьезно, чем когорта стражей. В следующей комнате они наткнулись на портрет Девы Марии, держащей на руках младенца Христа, взгляд которого, устремленный вдаль, казался не помладенчески взрослым; они принялись внимательно рассматривать картину. Этот блеск в глазах — осознание своей красоты или нахлынувшие воспоминания?

— Госпожа, госпожа! Идите сюда! Сюда! Видели ли вы такое безобразие? — вскричала Анджела Борджиа, дальняя

родственница Лукреции, новенькая и самая озорная из всех. Да что она знала о превратностях жизни в свои пятнадцать! — Я бы обходила его десятой дорогой!

— Тише, — улыбнулась Лукреция. Она помнила, как они чувствительны к любым проявлениям ее печали. Именно поэтому иногда она предпочитала одиночество. — Это двойной портрет покойного отца нашего хозяина и его супруги.

— Что ж, кем бы он ни был, он страшнее греха. Видите, как упорно она отстраняется от него, даже на портрете?

Муж и жена, изображенные в профиль, холодно смотрели друг на друга, разделенные рамой: ее лицо — столь же заурядное, как и у бесчисленного множества женщин ее возраста, он — воплощение безобразия: весь словно приплюснутый и бесформенный, с выступающим подбородком, выпученными рыбьими глазами и носом, похожим на клюв, как будто кто-то вонзил клин в его переносицу. Поскольку придворных художников нанимали для того, чтобы они льстили хозяевам, искренность в изображении подобного уродства поражала.

— О, однако же вы правы, госпожа! — воскликнула Анджела. — Теперь я вижу семейное сходство! Вы только вспомните теперешнего герцога Урбино. Его подбородок входил бы в комнату перед ним, если бы он держался достаточно прямо. Он похож... похож на ходячий вопросительный знак!

— Между прочим, все говорят, что это не единственный его недуг, — мрачно добавила другая.

— И что же именно говорят *все*, Камилла?

Девушки поспешно переглянулись. Они обратили внимание, что госпожа повысила голос, однако, воспитанные в Риме, где сплетни столь же естественны, как дыхание, они просто не могли ничего с собой поделать.

— Что герцог Урбино *не может!* — Анджела перешла на театральный шепот. — Что он — кастрированный козел. Разве это неправда? — Она в нетерпении обернулась к своим спутницам; эта грязная сплетня совсем свежа, и лучше убедиться в ее достоверности.

— Да, это правда, госпожа.

И теперь они загалдели разом:

— Однако это не мешает ему стараться.

— Говорят, он вечно застаёт жену врасплох, и порой ей приходится отбиваться от него, потому что он набрасывается на нее, словно пес.

— Иногда он даже пытается совокупиться с ее ногой.

— Нет! Друзилла, Камилла, Андже́ла! Все вы! — Лукреция с напускной строгостью зажала уши руками. Слишком часто она становилась жертвой безбожной клеветы, чтобы верить всем слухам, витающим в воздухе. — Наш хозяин герцог — прекрасный человек, а его жена Елизавета — еще более прекрасная женщина, воспитанная и скромная. Мы — гости в их доме, и я не желаю больше слышать ничего подобного.

И все же она теперь не сможет смотреть на Елизавету так же, как прежде, и на ее похожего на вопросительный знак супруга тоже. Вот так сплетни коварным образом превращаются в факты.

Она отошла от группы девушек и направилась в следующую комнату, где обнаружила ряд окон, освещенных заходящим солнцем. Распахнула одну из причудливых рам. Замок стоял очень высоко, и при взгляде на долину, лежащую внизу, захватывало дух. Самое удивительное чудо дворца Урбино — это то, как его вообще смогли построить. Эта мысль пришла ей в голову, когда она увидела его с дороги: он словно вырастал из отвесных скал. Ослепительно-белый фасад украшали две изящные византийские башенки, устремившиеся к небесам. Посмотрев вниз, она увидела дорогу, по которой они приехали сюда, похожую на длинный грязный шнурок, вьющийся по долине. Стоя здесь, можно было заметить войска неприятеля за двадцать и даже тридцать миль.

Лукреция подумала о Цезаре, о его военной славе; о том, как его пушки разнесли казавшиеся неприступными стены, в результате чего он захватил с полдюжины крепостей к северу отсюда. Его военные успехи — единственная причина, по которой она вообще оказалась тут. Несмотря на то, что приданое, которое она везла с собой, восхитило бы самого султана, одно это не заставило бы герцога Феррарского, главу древнего рода д'Эсте, женить своего сына Альфонсо на ней, внебрачной дочери с запятнанной репутацией, уже дважды побывавшей замужем. Нет, это страх перед ее могучим братом заломил ему руки. Этот союз — триумф

Борджиа, еще один кирпичик в строительстве династии. И не все ли равно, если он был куплен ценой убийства ее предыдущего обожаемого супруга?

Альфонсо... Что это — особая жестокость судьбы, почему нового мужа Лукреции зовут так же, как предыдущего? Только вот *ее* Альфонсо никогда не состарится. Она будет жить, заплывать жиром и лысеть, но *ее* Альфонсо навсегда останется юным и прекрасным: ноги танцора, точеное личико и невообразимые голубые глаза, похожие на отполированные лазуриты.

При взгляде в пропасть под ногами у нее начала кружиться голова, и ей пришлось схватиться за подоконник.

— Нет, Лукреция, — пробормотала она себе под нос. — Еще не время...

Однако было слишком поздно. Она снова оказалась там: слышала мужские голоса, стояла перед братом, за спиной которого собралась целая толпа вооруженных мужчин, и он рассказывал ей о том, как необходима была эта смерть, как заговор угрожал его собственной жизни. Трус! Лжец! В то время она отвечала на его обман скорее холодом, нежели пламенем, но здесь и сейчас она ощущала свое горе совершенно иначе — как бушующий ураган, который подхватывал Чезаре, швырял через всю комнату, размазывал его по стенам и наконец увлекал своим огнедышащим водоворотом в один из кругов ада, воплощенного поэтическим даром Данте.

Вот только что потом? Что это будет значить для нее? Остаться одинокой женщиной, без мужа и брата... Ее пробрала дрожь.

— Все в порядке, — поспешно произнесла она, заметив, что Анджела коснулась ее руки. — Просто на миг закружилась голова, вот и все. Идем, пора готовиться.

И это правда. Все в порядке. Через несколько недель она станет герцогиней одного из самых культурных городов Италии: пусть старый герцог все еще жив, но жена его мертва, поэтому титул достанется ей. У нее будет собственный двор с музыкантами и поэтами, и пусть она не будет командовать армиями и разрушать стены, но станет вести собственную войну: не сея смерть, а лишь захватывая людей в плен. Как это будет сегодня вечером, когда она, смеясь и танцуя, заставит всех в Урбино растаять.

Что? Неужели мужчины вроде Ходули верят, что к пышным бедрам обязательно прилагается пустая голова? Видел бы он ее в Ватикане, когда папа уехал, оставив на нее домашние дела, или заглянул бы ей через плечо, когда она читала петиции и судебные дела, представленные на рассмотрение губернатору Сполето и Нарни. Если дипломатия — это война без оружия, то почему женщинам нельзя играть наравне с мужчинами? Ее отец никогда не отличался подобной недалечностью. Они оба знали, что Урбино и Папская область оставили разногласия далеко в прошлом; они действительно обсуждали это перед ее отъездом: тот факт, что ее визит станет отличной возможностью показать крепкую связь между ними. И вот теперь у нее появился лишний день, и она предпримет все возможное для продвижения дела.

«Нет, братец, — сказала она себе, отворачиваясь от окна. — Ты не единственный, кто умеет брать города».

Чезаре, никогда не терявший терпения, когда приходилось ждать божественного вмешательства, яростно боролся с морской болезнью. На это не было времени; в Риме его ждали непрочитанные депеши, новости об успехах сестры, образцы оружия, наемники, осведомители, из которых необходимо выжать информацию. А здесь они были заперты, словно свиньи в хлеву, и повизгивали в страхе перед ножом мясника. Будь проклят этот капитан и его верхние слои атмосферы!

Он обвел взглядом тесную каюту. Как и у отца, у него было всего несколько приближенных: испанцы из древних семейств, вышколенные верные солдаты. Они без вопросов отдали бы за него свою жизнь, хотя в данный момент их больше волновало, как бы не потерять контроль над собственным желудком. Молиться было некогда, слышались только звуки рвотных позывов да проклятия.

И только Мигель де Корелла, телохранитель герцога, оставался невозмутимым. Его лицо напоминало произведение искусства благодаря шрамам, которые оставил человек, не сумевший прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как высыхает сочащаяся из них кровь. Сколько их было, тех, кого он отправил к праотцам в тот день? Пять, шесть? Их количество росло с каждым рассказом.

Хотя рассказывал не он. Микелотто, как его прозывали, не волновали истории. Он и без того был легендой: человек, по своей воле освободившийся от всяческого тщеславия; человек, который отдал душу и тело своему господину. В иной жизни, при ином боге он стал бы монахом, способным переносить боль, терпеть физические лишения, противостоять любому искушению и выполнять приказы с тем же рвением, с каким он сейчас их нарушал. Если у Чезаре Борджиа и был задушевный друг, то именно Микелотто.

Он умел чувствовать гнев и отчаяние герцога, точно знал, о чем тот думает. Ярость волн утихала, капли дождя уже не стучали по дереву. Микелотто поймал взгляд Чезаре и кивнул, зная о том, что сейчас будет.

— Клянусь кровью Господней, неужели я единственный, кому все это надоело? — Когда Чезаре поднялся, голос его был твердым и четким. — Есть здесь такие, кто не умеет плавать?

Слева от Микелотто начали подниматься руки, но затем, когда эти люди осознали, что останутся в меньшинстве, руки опустились.

— Хорошо, — усмехнулся герцог. — Значит, сегодня мы будем спать на пуховых перинах.

— Думаю, подойдет платье из голубого шелка с бисерной шапочкой. — Вернувшись в свои покои, Лукреция принялась расхаживать взад-вперед, по очереди прикладывая к груди два наряда. — Рукава с разрезами хорошо смотрятся в танце.

Сегодня вечером, как и всегда, на празднестве будут присутствовать посланники и шпионы со всех концов страны, их миссия — запоминать каждый ее жест, цену каждого украшения и каждого ярда ткани, чтобы потом занести это в свои депеши и отослать их домой. Возмутительно дорогое приданое, которое она везла с собой, вызывало зависть и неприязнь, и бывали моменты, когда она неверно оценивала, насколько великолепно нужно выглядеть, чтобы произвести впечатление, и драгоценные камни ее нарядов и украшений мешали людям видеть искренность в ее глазах. Вот только училась она быстро.

— Думаю, золото лучше подойдет для такого случая, госпожа.

— Возможно, но я уже надевала его в Риме. Представь себе, как обрадуется моя новая золовка, когда прочтет об этом в до-несении своего слуги.

Он хуже всех: скрываясь под личиной приспешника в чьей-то чужой свите, на деле он служил глазами и ушами Изабелле д'Эсте (Гонзага), маркизе Мантуи. Все знали, что она на самом деле за мегера, а также то, что она пришла в ярость, когда ее благородный брат собрался сочетаться браком со скандально известной незаконнорожденной дочерью папы. Этот коротконогий дипломатишка следил за ней с самого начала, он прицепился к Лукреции словно репейник, изучал каждый ее наряд и каждое украшение, вплоть до самых мелких, и заносил все в маленькую книжицу, висящую на цепочке у него на боку. Эта дотошность превратила его в по-смешнице, но своей хозяйки он боялся больше, чем насмешек.

— Вы бы видели, как он выпучил глаза, когда я сказала ему, сколько жемчугов, бриллиантов и рубинов нашито на вашем пурпурном плаще. Он едва не ослеп, пытаясь все пересчитать.

Спасибо Господу за обаятельную улыбку юной Анджели! На протяжении последних нескольких недель она избегала своей госпожи, чтобы подружиться с ним, флиртowała и сплетничала, после чего воспользовалась завоеванным доверием, чтобы скармливать ему информацию, доступную только близкому окружению, о богатых нарядах, которые Лукреция еще не надевала. В эту игру можно играть по-разному, и никому не хотелось, чтобы маркиза недооценила труд портных.

— Я сказала ему, что только я знаю точное число камней, поскольку моя задача заключается в том, чтобы пересчитывать их всякий раз, когда вам захочется выяснить, не отвалилось ли что-то за время пути. Клянусь, он верит каждому моему слову.

В ответ он поделился с ней некоторыми своими секретами. Где-то в герцогском дворце в Мантуе на добрых два месяца заперли лучших иллирийских вышивальщиц, в том числе золотошвеек, чтобы они наверняка закончили работу вовремя. Лукреция многое отдала бы за то, чтобы знать, какие фасоны и ткани они выбрали. Что ж, эта битва еще впереди. А сегодня нужно захватить Урбино.

Когда она оделась, камеристки двинулись вокруг нее в медленном танце с ручными зеркалами, чтобы она могла рассмотреть

свою прическу: лабиринт завитушек и кудрей, спрятанных под бисерную шапочку, выставляющую напоказ ее изящные ушки. Грудь была стиснута специально подобранным корсетом. Лукреция несколько раз вдохнула, чтобы проверить, насколько плотно тот держит.

— Белешвейка добавила несколько стежков, госпожа.

Катринелла, смуглая как ночь, с яркими сочными губами и острыми белыми зубами, совсем недавно, лишь ради этого путешествия стала старшей камеристкой и очень гордилась повышением. «Вот теперь она выросла», — подумала Лукреция. Катринелла была ребенком, когда попала в дом Борджиа как рабыня, подарок к первой свадьбе своей госпожи. Лукреция помнила, как та держала в руках свадебную фату, и ее смуглая кожа в этом море красок восхитительно контрастировала с белым шелком. Ее суровое маленькое личико отражало твердое намерение сделать все правильно.

— Вы похудели за последние недели, миледи. Любой скажет, что сегодня вам нужно больше есть, иначе танцы утомят вас, — произнесла она, прищелкивая языком, как привыкла с детства. Сейчас она бегло говорила по-итальянски и на двух диалектах испанского, а также на языке моды; преданность ее была безграничной и несокрушимой.

— Возможно. Но мне все же нужно как-то дышать.

Приподняв бледно-голубые юбки вместе с нижними, она обнажила свои точеные лодыжки. Сегодня она будет осторожно флиртовать с герцогом, стараясь не обескуражить герцогиню. А затем, поскольку согбенная спина вряд ли позволит ему танцевать, она спляшет для него, как добродетельная Саломея, движимая одним лишь желанием доставить ему возвышенное удовольствие.

Осталось последнее. Катринелла, припав к ее ногам, держала в руках золоченые кожаные туфельки.

— О нет, очередная новая пара, — застонала Лукреция. — Я надену вчерашние.

— Нельзя, госпожа. На них пятна грязи, и они все еще влажные после протирки. Мы растянули эти, насколько удалось, при помощи деревянной ноги.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Чтобы написать книгу, требуются годы и помощь множества людей.

Я в долгу перед Вики Эвери, куратором зала бронзы эпохи Возрождения музея Фицуильяма в Кембридже, которая многое рассказала мне об экспонатах шестнадцатого века, о свойствах бронзы и технологиях пушечного литья (а также провела меня в хранилище музея, где я смогла прикоснуться к нескольким стилетам и мечам).

Как я уже упоминала, я особенно благодарна Деанне Шемек за переводы писем Изабеллы д'Эсте.

А еще — музыковеду профессору Лори Страс за бесценные сведения о дворе Эрколе д'Эсте; она подготовила меня к прибытию Жоскена Дебре как раз вовремя, чтобы он успел появиться в моем тексте.

Также я благодарна профессору истории Лауро Мартинесу за разговоры о природе флорентийского государства, профессору Кейт Лоув, которая, скажу вам по секрету, знает о епископе Франческо Содерини больше, чем кто бы то ни было в мире.

Карен Гелмон и Эйлин Хорн вдумчиво читали первые черновики. Тим Деметрис, пытаясь закончить свою диссертацию о папской политике пятнадцатого века, тщательно изучил мой текст и нашел в нем множество мелких ошибок, равно как и Джеймс Бредберн, директор национальной пинакотеки Брера в Милане.

Спасибо моему агенту Клер Александр, которая сопровождала меня на каждом шагу, особенно когда дело не ладилось, и Лени Гудингу из Лондона, Айрис Тафолм из Торонто и Сьюзен Камил из Нью-Йорка, которые подошли к редакторской работе творчески и целеустремленно. Если я когда-либо огрызалась на них, то только потому, что всем нам был одинаково небезразличен роман, который я писала.

И наконец, хочу сказать спасибо своему компаньону Энтони, человеку, который узнал о Борджиа больше, чем хотел, но который поддерживал меня в здравом уме и хорошем настроении, чтобы я могла продолжать свой писательский труд.

Флоренция, июль 2016 г.

Сара Дюнан

БИБЛИОГРАФИЯ

Я благодарна Деанне Шемек за то, что она дала разрешение процитировать перевод избранных писем Изабеллы д'Эсте с итальянского оригинала: *Isabella d'Este, Selected Letters*. Academic Press and Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2017.

Отрывки из стихотворений и писем Лукреции Борджиа и Пьетро Бембо взяты из книги Хью Шенкленда *The Prettiest Love Letters in the World: Letters between Lucrezia Borgia and Pietro Bembo 1503—1519*. Collins Harvill, 1990. (Самые очаровательные любовные письма в мире: переписка Лукреции Борджиа и Пьетро Бембо).

Следующие работы были очень важны для моего исследования, и я могу рекомендовать их тем, кто хотел бы глубже погрузиться в эту восхитительную историческую эпоху.

Arrizabalaga, Jon, John Henderson and Roger French, *The Great Pox: The French Disease in Renaissance Europe*. Yale University Press, 1997.

Bellonci, Maria, *Lucrezia Borgia*. Phoenix Press, 2003.

Black, Robert, *Machiavelli*. Routledge, 2013.

Bobbitt, Philip, *The Garments of Court and Palace: Machiavelli and the world that he made*. Grove Press, 2013.

Bradford, Sarah, *Cesare Borgia: His Life and Times*. Weidenfeld & Nicolson, 1976.

— — — —, *Lucrezia Borgia: Life, Love and Death in Renaissance Italy*. Viking, 2004.

Brown, Kevin, *The Pox: The Life and Near Death of a Very Social Disease*. Sutton, 2006.

Burchard, Johann (ed. and trans. Geoffrey Parker), *At the Court of the Borgia*. Folio Society, 1996.

Cartwright, Julia, *Isabella d'Este, Marchioness of Mantua*. AMS Press, 1974.

Castiglione, Baldassare (trans. George Bull), *The Book of the Courtier*. Penguin, 1967.

- Chamberlin, E. R., *The Fall of the House of Borgia*. Temple Smith, 1974.
- Chambers, David, 'Papal conclaves and prophetic mystery in the Sistine Chapel'. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 1978.
- Cummins, J. S., 'Pox and paranoia in Renaissance Europe'. *History Today*, 1988.
- De Grazia, Sebastian, *Machiavelli in Hell*. Vintage, 1994.
- Gilbert, Allan (trans. and introduced), *The Letters of Machiavelli*. University of Chicago, 1988.
- Gregorovius, Ferdinand (trans. J. L. Garner), *Lucretia Borgia*. John Murray, 1908.
- Greenblatt, Stephen, *The Swerve: How the Renaissance Began*. Bodley Head, 2011.
- Grendler, Paul F., *Schooling in Renaissance Italy: Literacy and Learning, 1300—1600*. Johns Hopkins University Press, 1989.
- Kidwell, Carol, *Pietro Bembo, Lover, Linguist, Cardinal*. McGill Queens University Press, 2004.
- Lev, Elizabeth, *The Tigress of Forli: Renaissance Italy's Most Courageous and Notorious Countess, Caterina Riario Sforza de' Medici*. Houghton Mifflin Harcourt, 2011.
- Lowe, K. J. P., *Church and Politics in Renaissance Italy: The Life and Career of Cardinal Francesco Soderini*. Cambridge University Press, 1993.
- Machiavelli, Niccolo, *The Art of War*. Dover Publications, 2006.
- — — — —, *The Prince*. University of Chicago Press, 1998.
- — — — —, *The Discourses*. Penguin Classics, 2003.
- Majanlahti, Anthony, *The Families who made Rome: A History and a Guide*. Chatto & Windus, 2005.
- Mallett, Michael, *The Borgias: The Rise and Fall of a Renaissance Dynasty*. Academy Chicago, 1987.
- Marek, George R., *The Bed and the Throne: The Life of Isabella d'Este*. Harper and Row, 1976.
- Nicholl, Charles, *Leonardo da Vinci: The Flights of the Mind*. Penguin, 2004.
- Partner, Peter, 'Papal financial policy in the Renaissance and Counter-Reformation'. *Past and Present*, 1980.
- Pastor, Ludwig, *The History of the Popes from the Close of the Middle Ages*. Kegan Paul, Trench, Trubner and Co., 1899—1908.
- Pitkin, Hannah, *Fortune is a Woman: Gender and Politics in the Thought of Niccolo Machiavelli*. University of California Press 1984.

- Pizzagalli, Daniele, *La Signora del Rinascimento: Vita and splendori di Isabella d'Este alla corte di Mantova*. BUR Saggi, 2013.
- Ray, Meredith K., *Daughters of Alchemy: Women and Scientific Culture in Early Modern Italy*. Harvard University Press, 2015.
- Ridolfi, Roberto (trans. Cecil Grayson), *Life of Niccolo Machiavelli*. University of Chicago Press, 1963.
- Rolfe, Frederick (Baron Corvo), *A History of the Borgias*. Modern Library, 1931.
- Roo, Peter de, *Material for a History of Pope Alexander VI: His Relatives and His Time*. Desclee, De Brouwer, 1924.
- Rowland, Ingrid D., *The Culture of the High Renaissance: Ancients and Moderns in Sixteenth-Century Rome*. Cambridge University Press, 1998.
- Ruggiero, Guido, *Machiavelli in Love: Sex, Self and Society in the Italian Renaissance*. Johns Hopkins University Press, 2010.
- Sabatini, Rafael, *The Life of Cesare Borgia: A History and Some Criticisms*. S. Paul, 1926.
- Setton, Kenneth M., *The Papacy and the Levant, 1204—1571*. American Philosophical Society, 1976.
- Shaw, Christine, *Julius II: The Warrior Pope*. Blackwell, 1993.
- Stinger, Charles L., *The Renaissance in Rome*. Indiana University Press, 1998.
- Taylor, F. L., *The Art of War in Italy, 1494—1529*. Cambridge University Press, 1921.
- Viroli, Maurizio (trans. Antony Shugaar), *Niccolo's Smile: A Biography of Machiavelli*. I. B. Tauris and Co. Ltd, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	10
<i>Зима 1501—1502 годов.....</i>	15
<i>Весна 1502 года.....</i>	89
<i>Лето 1502 года.....</i>	159
<i>Осень и зима 1502 года.....</i>	213
<i>Зима и весна 1503 года.....</i>	269
<i>Лето 1503 года.....</i>	339
<i>Десять лет спустя.....</i>	393
Послесловие.....	406
Слова благодарности.....	409
Библиография.....	411

Літературно-художнє видання

ДЮНАН Сара
Борджія. На славу родини
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 05.02.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ДЮНАН Сара
Борджиа. Во славу семьи
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 05.02.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Початок XVI століття. Молодий і талановитий Чезаре Борджія, син папи римського Александра VI, упевнено крокує до створення своєї імперії. Він завойовує міста і готовий на все заради влади. У нього зав'язується дружба з посланцем Флорентійської республіки Нікколо Макиавеллі. Сестра Чезаре Лукреція підтримує брата, щоб утвердитися в родині д'Есте. Будучи дружиною Альфонсо д'Есте, вона особисто займається створенням власного двору в Феррарі. Наближається час, коли спадкоємці династії Борджія опиняться в центрі епохальних змін. Велич і слава, могутність і падіння, зради і змови — їм треба буде пройти через все це, в ім'я своєї родини.

Дюнан С.

Д95 Борджиа. Во славу семьи : роман / Сара Дюнан ; пер. с англ. Е. Бучиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 416 с.

ISBN 978-617-12-4470-2

ISBN 978-1-84408-746-4 (англ.)

Начало XVI века. Молодой и талантливый Чезаре Борджиа, сын папы римского Александра VI, уверенно идет к созданию своей империи. Он завоевывает один город за другим и готов на все ради власти. У него завязывается дружба с посланником Флорентийской республики Никколо Макиавелли. Сестра Чезаре Лукреция поддерживает брата, дабы утвердиться в семье д'Эсте. Будучи замужем за Альфонсо д'Эсте, она лично занимается созданием собственного двора в Ферраре. Грядет час, когда наследники династии Борджиа окажутся в центре эпохальных перемен. Величие и слава, могущество и падение, предательства и разговоры — им предстоит пройти через все это, во имя своей семьи.

УДК 821.111